

2027 бр

ТЕРОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

59

Цена 40 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00665919

2

1) 328355. II

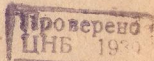
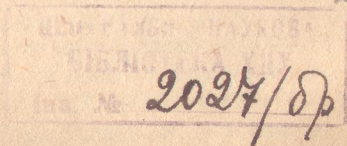
2) 355. III. 1941-

3) 9(c) 1941-

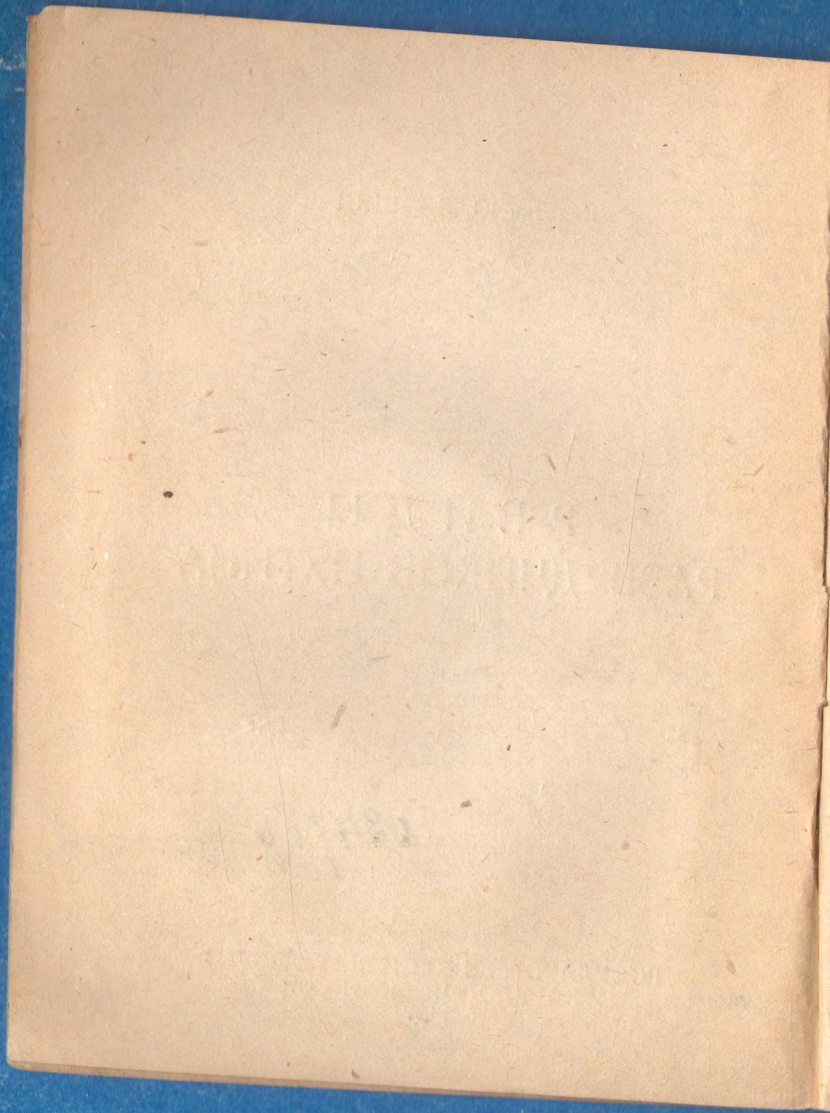
4) 32811 136

Капитан Ю. ЛИФШИЦ

Р Е Й Д Ы
РАЗВЕДЧИКОВ ИУТИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1944

1. ЗА БЕСПОКОЙНОЙ РЕЧКОЙ Д.

Вчера вечер был шумным: звуковое кино и затем концерт, частушки и лихая пляска под одобрительные шутки зрителей, аплодисменты и песни—горластые, во всю силу легких, и песни тихие, грустные. Первомайский вечер! Как дорог он сердцу советского человека! Как ждем мы этого дня всегда, везде, даже —здесь, на фронте.

А сейчас—тишина. Правда, чуть слышно о чем-то шумят деревья, звенят весенние птицы, журчат вокруг ручейки, но вся эта мирная, успокаивающая жизнь леса воспринимается людьми, как тишина, такая отградная после грохота боевой жизни переднего края. Их не успокаивает мирный загадочный рокот тайги. Речка Д. осталась позади, и они каждое мгновение ждут окрика, выстрела.

Эта беспокойная порожистая река была для

лейтенанта Иутина и его разведчиков Рубиком. Перейдя ее, они переступали границу привычной относительной безопасности и вступали в жизнь, полную смертельных угроз.

Мокрый майский снег покрывал землю. Его уже недостаточно, чтобы идти на лыжах. Правда, утренний морозец сковал было снег настом, твердым и гладким, как асфальт площади Урицкого, но к полудню наст размяк и теперь ноги проваливаются. В такое время нелегко идти. Что-ж, нет худа без добра. Двигаться тяжело, зато финны, вероятно, не ждут сейчас нашего визита.

За плечами у людей высятся туго набитые мешки с многодневным запасом продуктов. Особенно внушительный вид у «трехэтажного» мешка Усенко. Он сшил его из трех рюкзаков и наполнил доотказа, уверяя, что «запас карман не тянет». О кармане ничего не скажешь, но плечи он «тянул» основательно. Упадешь, — мешком придавит, без помощи не подымешься.

Но люди были довольны. Предстоял первый рейд в тыл врага. Ведь ждали они этого рейда давно. Ведь готовились к нему долго. И у кого не горит сердце при мысли о фашистских захватчиках! Кого не тянет в бой, когда узнаешь о лютости и зверствах врага. Расквитаться! — разве это не заветное желание воина?

База осталась далеко позади, а высота, к ко-

торой они шли, была теперь рядом. В этом районе уже побывали другие разведчики. Они уверяли, что высота не занята противником. И люди Иутина, конечно, соблюдая всякие предосторожности, все же испытывали какую-то долю беспечности. Чего таиться, если врага нет? Поэтому и произошел некрасивый случай. Наткнулись на часового. Тот поднял тревогу. Разведчики залегли. Финны всполошились. Один из них с разбега полез на сосну и устоялся в тайгу, вертя головой, как глухарь. Справа и слева выскочили две финские группы, пытались обойти разведчиков. Третья группа полезла на них в лоб. Всего в дело ввязалось полсотни финнов против двадцати пяти иутинцев.

2. СКОЛЬКО СТОИТ ИНИЦИАТИВА

Финны видели, что русские побежали. Да, они ясно видели «москалей», удиравших во весь дух. И финны перекликались, свистали и мчались вперед. Еще бы, есть от чего притти в восторг. Это же настоящая облава: русские бегут, — два боковых отряда вот-вот замкнут кольцо, центральная группа нажмет, — и капут москалям. «Ха! Держи, не отставай!» — перекликались финны.

Из всего, что разведчики потеряли в результате переполоха у финнов, Иутину больше все-

го жалко было инициативы. Инициатива действий—ключ к успеху. Потерять инициативу, действовать по воле вражеского командира, бежать—дело гиблое. И лейтенант решил снова взять инициативу, стать хозяином положения, чтобы он, Иутин, диктовал врагу обстановку, а не враг ему.

Но прежде всего надо выйти из-под удара. Лейтенант приказал отходить к кустарнику. Здесь одно отделение получило задачу бежать на виду у противника. Два других притаились в кустах. Иутин решил дать бой. Боем, кроме инициативы, он возвращал себе все преимущества внезапности (удар из засады) и подымал моральный дух своих людей. Ведь поспешный отход на первой же вылазке подорвал бы уверенность разведчиков в своих силах.

Сейчас, прямо на отряд катилась наиболее многочисленная центральная группа врага в 25—30 финнов. Две других были в стороне, на флангах. Положение рискованное, но зато иутинцы получили возможность бить финнов по частям.

Финны торопились догнать «убежавший отряд». Они вломились в кустарник, сопя и гремя оружием. Отлично! До них метров 80. Надо подпустить метров на 20 и тогда скомандовать... Но все планы рухнули. Преждевременный выстрел не в меру торопливого бойца испортил

весь замысел. Антонов пальнул, когда до финнов было еще 50 метров. Этим он спас жизнь по меньшей мере двум десяткам «отошайненов», как зовут финнов разведчики. Иутинцы уничтожили лишь восьмерых. Остальные же под пулями быстро вспомнили, что у них дома остались кое-какие дела, и поспешно повернули назад. Делать было нечего. Отряд ушел вслед за первым отделением.

Финнов немного поколотили, что весьма приятно и полезно, но задача все-таки не выполнена: «языка»-то нет. Небольшой привал. И снова они повернули назад. Теперь расположение врага было известно. Еще бы, — чуть не влезли в его оборону. И Иутин решил сделать засаду на тропе.

Ждали долго. Наконец увидали: бредет один белофинн. На боку холщевая сумка. Подошел ближе — увидели, что это капрал. «Рыбка» подходящая.

Однако, «рыбка» оказалась скользкой. Капрала схватили, но он вырвался и с отчаянным воплем бросился бежать. Пуля об'яснила ему, что не надо нарушать лесной тишины. Капрал валялся под сосной, а разведчики досадовали на новую задачу: покойник не годился в «языки». Надо хоть документы взять. А это что за сумка? Ага, письма! Капрал, оказывается, нес почту. Что ж, это — добыча. То, что не ус-

пел рассказать капрал, расскажут письма и адреса.

Все-таки они неплохо поработали, для первого раза. И когда переходили речку Д., лейтенант обернулся и весело крикнул в тайгу:

— Э-гей! До новой встречи, вшивые отошайнены!

3. СУРОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Жизнь делилась для них на две половины. Одна полна напряжением, опасностями, утомительными переходами, почевками на снегу и под открытым светлым небом лета, дождями, следами, шорохами, тропами врага, минами, выстрелами. Другая—тиха, спокойна, размерена и тоже напряжена, но напряжение это другое, учебное. Вторая половина начиналась после того, как побрившись у попутного ручья под соснами, помывшись, заштопав рванные ватники, они возвращались домой в свои шестиугольные дзоты-землянки, чистые, опрятные, как с парада. Путина ждет недочитанный том мемуаров Мольтке, расписывающего свои победы во франко-пруссской войне. (Прошлого врага тоже не вредно знать). А товарищи его жадно читают заждавшиеся письма.

Вечер возвращения! Оградные это часы. Через двери землянки рвутся наружу трели бая-

на. Ребята поют хором, смеются, шутят, делятся семейными новостями. Сверкает белыми зубами хорошее сероглазое лицо Путина. Лицо у него простое, кажется—ничем непримечательное, но чувствуется в нем, в тяжелом подбородке, в прямых губах, решительность и воля, есть в быстром и метком взгляде живая и острая мысль. Он чуть рябоват, но когда с ним знакомишься ближе, рябины перестаешь замечать.

Сутки они отдыхают. А потом начинаются занятия, дни занятий до тех пор, пока лейтенанта не вызовут на командный пункт, где расстелют карту и скажут:

—Вот в этом районе пройдете здесь... Взять «языка». Выступить в шесть ноль-ноль.

И вот снова в лесу. Снова настойчивые поиски врага, снова дожди, усталость и радость победы...

Когда пограничник вспоминает прошлое, ему прежде всего приходят на ум недостатки и ошибки. Так уж пограничников воспитали, такой уж у них склад характера: анализируют, продумывают, доискиваются и если было сделано хорошо, то ведь можно было сделать и лучше,—значит были недостатки. Какие? Когда? В чем?.. Когда лейтенант вот так разбирает операцию, встает она перед ним словно модель машины в разрезе—каждый винтик виден. И можно быть

уверенным, что в следующий раз прежних заминок не будет. Ошибка—суровый учитель.

Именно такой анализ помог разведчикам на этот раз захватить двух пленных.

В пути они по обыкновению минировали тропы и линии связи, оставляя финнам «суприз», как говорит Севрюков.

После тяжелого марша они очутились в намеченном районе. Все в порядке. Часть людей в засаде и неусыпно караулят. Остальные отдыхают поблизости.

Ждут. Час проходит... три... десять—нет финнов, хоть плачь. Пришлось идти на другую тропу. Пугая птиц, они всю ночь бродили по лесу, среди стройных, как штыки, сосен. А к утру нашли подходящее место и снова залегли. Теперь уж совсем близко от финских постов.

Кругом кудрявый кустарник—место вполне подходящее, есть где спрятаться.

Прошло два часа. Доносят: идут десять «ототшайненнов». Дальше все как по нотам. Финнов подпустили вплотную, открыли огонь в упор. Трех убили на месте, но живые, как мыши,—юрк по сторонам, только их и видели. В плен некого брать стало. Ноты были хороши, да сфальшивил оркестр. В чем дело?

Впрочем раздумывать некогда: финны должны сейчас организовать преследование. И раз-

ведчики быстро уходят туда, где финнам никогда не придет в голову их искать.

Два дня скрывались в лесу. Ходили по тайге, избегая ягельника: на нем видны следы. Скитаясь по болотам и сопкам, Иутин поразмыслил. В чем дело? Люди у него ловкие, быстрые. Маслов и Сигусов даже как-то раз живую куропатку руками поймали. А вот «языка» не смогли поймать. Не быстрее же финны куропатки! Значит не люди виноваты. В чем же дело? Подумал и понял. Дело в кустарнике. В кустарнике маскироваться легче, но финнам скрыться тоже легче. Ошибка—суровый учитель.

4. ЖЕЛАННАЯ ВСТРЕЧА

Они вернулись на ту же тропу. Финны не ждут от них такой дерзости. Тем лучше. Теперь место выбрали совершенно голое. Здесь не убежишь.

Бойцы спрятались за пеньки. Замаскировались так, что наступить можно. Снова ждут. Наконец, идут два финна.

Их... упустили. В засаде лежали новые люди, они прозевали удобный момент, а потом уже было поздно. Но Иутин не уходил. Он решил ждать еще одни, тринадцатые сутки. Весь опыт прошлого подсказывал ему, что эти два финна должны вернуться. Так оно и случилось

Вопреки поверью, «чортова дюжина» принесла удачу. Андреев схватил финна мертвой хваткой. Второй сдался сам.

Один из пленных оказался помощником начальника пикета. Три дня тому назад он страстно хотел видеть разведчиков. Он возглавлял группу, которая преследовала иутинцев. Что ж, ему доставили это удовольствие. Желанная для обеих сторон встреча состоялась.

5. МСТИТЬ!

Группа финских гитлеровцев пробралась в расположение нашей части и убила двух советских бойцов. Командир вызвал Иутина.

—Приказываю отомстить за гибель двух наших людей.

Этот обычно приветливый и внимательный человек был сейчас сумрачным и злым. Такая же злость чувствовалась в резких движениях разведчиков, когда они укладывали свои мешки, да и сам Иутин, собираясь, не шутил и вообще мало разговаривал. Надо так проучить врага, чтобы ему надолго запомнилась гибель товарищей. Лейтенант решился на рискованную операцию.

Они редко забирались так далеко. Двое суток почти непрерывного марша вывели их к цели. Перед ними открылась большая река. Сос-

ны, покрывшие берег, отражались в воде колышавшимся темно-зеленым ковром. Светлая половина реки играла, искрилась под косыми лучами солнца. А вдали темнели голые горы тундры. Но разведчикам было не до красот природы. Река — это не река, а водный рубеж. Ковер — не ковер, а теневая сторона. И свежая зарубка на сосне занимала Иутина гораздо больше, чем далекая синева гор.

Где-то в этом районе находятся главные силы противника. Где — пока неизвестно. Но здесь должна свершиться месть.

Они осторожно пробираются вдоль реки. Справа — высота. С вершины ее Иутин осмотрел местность. Внизу серебрится озеро. Неширокий пролив соединяет его с рекой. На берегу пролива белеют ящики и стоят лодки. Из озера торчат сети, и на воде темнеют лодки с финскими солдатами-рыбаками. Дальше виднеется какое-то сооружение. Но больше всего привлекают внимание дымки. Один, два... пять... семь... Десять! Дымки не от костров, а из труб. В одном месте их больше и они густо расположены. В трех местах они поднимаются одинокими столбиками. Тишина. Неторопливо струятся дымки.

У Иутина сильно бьется сердце. И нетерпение, похожее на нетерпение охотника, только во много раз более сильное, волнует кровь.

Так вот где ты живешь, полковник! Здравствуй, будем знакомы! Советский офицер Иутин пришел мстить!

6. ПОД НОСОМ У ПОЛКОВНИКА К.

Имя этого махрового щюцкоровца популярно среди финнов — многих ослепила вздутая его слава. Он — низкорослый, вертлявый, — закоренелый враг нашей страны. Если же разобраться по-существу, то полковнику в своей разбойничьей среде тоже нечем похвастаться. Его военная биография не блещет победами. Во время финской кампании его гнали, как бешеную кошку. В начале этой войны он возглавил отряд, который забрался было на нашу территорию. Но очень скоро пограничники разгромили отряд наголову. Полковник едва избежал смерти или плена. Он удрал с итальянской быстротой, оставив свое кожаное пальто. Некоторые уверяют, что и брюки он тоже оставил. Сейчас прославленный вояка командует финской частью.

Дымки многое сказали Иутину. Сомнений нет. Он вышел к штабу этой части. Дымки в куче — это штаб. Три отдельных — боевые охранения. Ящики с грузом и дощатый сарай возле них — база. На эту базу и обратил свое внимание Иутин.

Конечно, затея была дерзкой. Но такая дерзость — не бесшабашная удаля, а продуманные, взвешенные действия, основанные на внезапности, неожиданности. В этом дерзком поступке есть большая доля риска. Но в нем не меньше трезвого расчета. И много шансов на успех.

Они ползли очень медленно. До пролива было километра полтора. Но когда скорость движения измеряется сантиметрами в час, это расстояние кажется весьма порядочным. Справа — открытое болото. Только узкая полоса редкого кустарника, залитого светом ночного солнца, служила им укрытием. Разведчики ясно видели сети на озере, ящики с грузом и часового у землянки.

Они ползли. Разведчик медленно выдвигал вперед руку, потом подтягивал колено, потом еще медленнее подавал корпус, а потом все начинал сначала. Ни хруста, ни шороха, ни вдоха. И вдруг откуда ни возьмись, — кулик. Кто бы мог подумать, что эта безобидная птица может оказаться такой вредной? Старший сержант Ларионов яростно поглядывает и шипит: «Вернусь, всем птицам шеи посворачиваю. Чорт бы побрал все племя кулика, бабушку и прабабушку, детей и внуков». А кулик все мечется над головами, верещит, орет, словно он у финнов поставлен наблюдателем. Часовой перестал ходить и начал пытливо всматриваться

в кустарник. Разведчики застыли в тягостном напряжении.

Только отличные летние маскировочные халаты и умение пользоваться ими спасло иутиндев в эту минуту.

Кулик угомонился, часовой успокоился. Но стоило двинуться дальше, как проклятая пичужка снова начала вопить. Птаха держала разведчиков в плену. Опять замерли. Потом опять проползли немного и снова вынуждены были притаиться. Проклятый кулик! Попадись он только в руки!

Тут еще стали попадаться мины. Бойцы огибали их и едва уловимыми движениями продвигались вперед. Но вот и проливчик. Иутин взглянул на часы и не поверил глазам: полтора километра они ползли 12 часов!

Было раннее утро. Из землянки стали выходить заспанные «отошайненны». Один, два... опять один. Этого мало. Иутины лежали в полусотне метров от финнов и выжидали лучшей минуты.

В это утро у комаров, населяющих безымянное болото, был пир: поедали разведчиков Иутина. Чем выше подымалось солнце, тем больше их становилось, тем яростнее они жалили. Разведчики не имели возможности даже от них отмахнуться. А финны все еще ходили

по одному: один выйдет, потом другой, а первый скроется.

Наконец, счастье разведчикам улыбнулось. К противоположному берегу причалила лодка. Из землянки вышел финн, видимо, какой-то начальник, потому что вслед за ним высыпало еще человек тринадцать. За плечами у финна был мешок. Он всем жал руки. Должно быть прощался. Его, вероятно, провожали в отпуск или еще куда-либо. Подходящий повод для салюта залпом.

Финн спустился к берегу, влез в лодку. Один из разведчиков поднял винтовку. Белофинский начальник стоял в лодке во весь рост и махал рукой. Иутинды выстрелили почти одновременно, каждый по своей цели. На дистанции в 30 метров промахнуться трудно. Главарь скovyрнулся в воду. Лодочник свалился на дно лодки. Вся живописная группа провожающих полегла на месте. Тринадцать гитлеровцев заплатили своей кровью за кровь двух советских бойцов.

Едва иутинды рванулись назад по кустарнику, как пулеметные очереди стали его прошиваь. Разведчики метнулись влево и, на берегу переступая мины, помчались в открытую по болоту.

Финны искали их отчаянно. На всех возможных путях движения сидели засады. Финны не на-

шли их. Сейчас не время рассказывать, как ушел Иутин, ибо полковник К., надо полагать, и по сей день не знает, где их надо было искать.

7. «НОДЬЯ»

Великое дело шутка. Бывает, бродят разведчики под осенними дождями, насквозь промокшие, бродят по мокрой земле, вконец усталые, а сядут к костру, — и усталость улетает, и сумрачные суровые лица светлеют, и шутки сверкают, как искры. Великое дело шутка. Она бытует там, где люди бодры и веселы, несмотря ни на какие лишения, где люди не теряют присутствия духа, несмотря ни на какие опасности, переживания и усталость. Вот почему люди крепкие, волевые так любят и ценят шутку. Часто шутка для них — это разрядка после напряжения.

Никакие тяжелые переходы не гасили у иутинцев веселья на привале.

Славная штука «нодья». Разведчики перепробовали все виды костров, но лучше «нодья» не нашли. Зимой и летом она прекрасна. Огня не видно, тем более, что по бокам косыми стенками стоят плащ-палатки. Дыма мало, горит долго, греет жарко. А устроить просто: одно толстое бревно положить поперек другого и поджечь в середине.

В каком бы трудном положении ни находился отряд, как бы близко ни был враг, у разведчиков на отдыхе не принято о нем вспоминать. Говорят о чем угодно, только не о финнах. Мечты о встрече с близкими, смешные истории, медицинские способности «доктора» Продай, очень бойкого и веселого парня, смелого разведчика и ловкого санитаря по совместительству, — всем этим полны сладкие часы у костра. Вот некогда трактористы, потом танкисты, а ныне разведчики Усенко и Култышев опять затеяли свой нескончаемый академический «тракторный» спор. Вот снова вспомнили, как Митрофанов, завидев в небе самолеты, отчаянно уверял всех, что это «харрикейны», до тех пор, пока ему не пришлось плюхнуться в болото, спасаясь от пуль «Мессершмиттов». Все обошлось благополучно, но Митрофанов с тех пор так и остался «харрикейном» или, ласковее, «харриком».

Несколько ребят опять взялись за Севрюкова. Он после разведки поедет в отпуск и ему рисуют мрачные перспективы.

— Подойдешь к ней, а она тебе скамандует: «смирно!»

Маслов с серьезным лицом спрашивает:

— А как, если целоваться, надо говорить: «разрешите обратиться», или можно так?

Чернышев дружески советует:

— Что сделаешь, так не забудь доложить: выполнено, мол, ваше приказание. А то взысканий не оберешься.

Дело в том, что жена у Севрюкова сержант, а он — ефрейтор. Но парень не унывает. Он нашел выход из положения. Он уже написал жене: «Ты хоть и сержант, но я-то не простой ефрейтор, а фронтовой.»

Разведчики во время марша отдыхают редко и скупо. Зато, когда операция еще не начата, или когда она завершена, они лакомятся отдыхом по 10-12 часов. Всякий из них предпочитает отдохнуть один раз как следует, чем несколько раз понемногу.

Поэтому марши их стремительны.

Одеваются они легко. * Зимой — телогрейка и свитер. Летом-гимнастерка. Плащ-палатка и костер — вот их подвижная крыша, мебель, отопление и постель. Водки они с собой не берут, с ней неприятностей не оберешься. Лучше лишний диск к автомату. А водка? Пускай она лучше копится на базе. Будет чем отметить победу.

8. О ПОЛЬЗЕ СПОРТА

— Здорово, други! Довольно вам тут валяться. Обленились. Задачу надо выполнять, а вы валяетесь. Ну, ну, вертитесь, я на вас посмотрю.

Это Севрюков разговаривает с лыжами. Разведчики приводят их в порядок: смолят, чинят крепления, поправляют кольца. Предстоит новая разведка.

Отряд еще не успел дойти до исходного пункта, как возникла непредвиденная задержка. Разгоряченный Яковлев напился холодной воды и ослабел. В результате потеряно три часа. Их пришлось наверстать на марше.

Они шли двое суток, почти без отдыха: двадцатиминутный сон, не снимая лыж, и дальше.

Внезапно дозорные подали сигнал: «Стой!» Они услышали стрельбу. Выстрел в безлюдной тайге — событие. А тут — бесшабашная пальба. Что бы это значило?

Разведчики осторожно пробирались вперед. Дозорные снова остановились. Им пересекла путь накатанная лыжня. На контрольную она не похожа.

— Человек пятьдесят прошло, — определяет Келинсальми с одного взгляда.

Но почему все они шли по одной лыжне?

Вдоль лыжни по деревьям развешаны цветные бумажки. Ага, все ясно. Так размечают дистанцию на лыжных соревнованиях. Значит, во-первых, финнов здесь много, и, во-вторых, они близко. Ну да, ведь сегодня же воскресенье. И здесь — глубокий тыл. Почему бы

любителям спорта не устроить соревнований? А стрельба — это должно быть состязание стрелков.

Разведчики становятся на лыжную и идут к финишу. Так они не оставят следов.

Справа выплывает озерко, метров в тридцать шириной, а за ним... Вдруг слышны громкие голоса. Навстречу по лыжне идут три финна. Путицы плавно и бесшумно опускаются на снег. В белых халатах они растворились на снегу. Лейтенант едва слышно шепчет: «Если заметят — не дать высказаться». Финны все ближе. Вот в двух шагах. Вот поравнялись и... прошли мимо. Они ничего не заметили, лопухие. Гуляйте, гуляйте, придет и ваша очередь! Но сейчас не до них.

Справа озерко метров тридцать шириной, а за ним большая землянка. Надо полагать, что это охранение финского лагеря. План созревает мгновенно. Вахонин с бойцами седлает тропу. Десять секунд, — и Березкин с бойцами очутился у землянки. В тамбуре оружие финнов. Прекрасная вещь порядок! Березкин проходит тамбур, и оружие врага — у него за спиной. Распахивается дверь и разведчик ныряет внутрь. «Руки вверх!» Мгновение «отошайнены» тупо смотрят в черный зрачок автомата. Потом они кидаются к окнам. Но у одного окна старший сержант Маслов и его люди, а у

другого — Келинсальми с бойцами. Келинсальми кричат по-фински: «Сдавайтесь!» Очумев, «отошайненены» все-таки лезут в окна. Тогда Маслов и Келинсальми пускают в ход доводы поубедительнее. Финны, оставшиеся живыми, поднимают руки. Их выводят наружу. Но здесь двое метнулись в сторону. Этих оставили «кеньги сушить», как выразился Продай.

А пальба в лагере противника все продолжается. Под эту музыку выстрелы разведчиков остались незамеченными. Ну, как после этого не восторгаться спортом!

Трудно сказать, кто у финнов был в этот день чемпионом по стрельбе и лыжам. Но можно с уверенностью сказать, что чествовать их не стали. Нет, не стали. Вместо торжества был траур: похороны двадцати покойников.

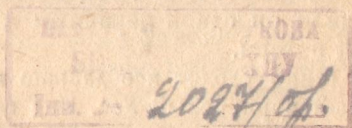
А разведчики уходят, уводя с собой четырех пленных. Теперь общий итог составляет семь «языков» и более полусотни уничтоженных «отошайненов». А сами иутинцы за год не получили ни одной царапины и не понесли ни одной потери.

Разведчики уходят все дальше в лес, в заснеженный чернобелый лес. Над головой теплые ветры колышат деревья, и ветви шумят довольные, чуя новую весну.

Редактор С. Сулимин

Подписано к печати 29 декабря 1943 г. Б-3893
Печати. листов 0,75 Учетно-авт. листов 0,78.
Тираж 10000. Госиздат № 167. Заказ № 187

Государственная типография Тегозеро.

Товарищи читатели! Издательство про-
сят Вас прислать отзыв о прочитан-
ной книге по адресу:

г. Беломорск, Советская 12,
Госиздат Карело-Финской ССР